

ТАМБОВСКІЯ ЕПАРХІАЛЬНЫЯ

ВЪДОМОСТИ.

1 СЕНТЯБРЯ

№ 17.

1868 ГОДА.

Выходятъ два раза въ мѣсяцъ: 1 и 15 числа, съ Іюля 1861 года Цѣна за годовое изданіе 4 р. 25 к. сереб. съ пересылкою.

Подписка принимается въ Редакціи Вѣдомостей при Тамбовской Духовной Семинаріи и у всѣхъ Благочинныхъ Тамбовской Епархіи.

I.

РАСПОРЯЖЕНІЯ ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ.

УКАЗЪ СВЯТѢЙШАГО ПРАВИТЕЛЬСТВУЮЩАГО СУНОДА:

Отъ 28 іюня. *О преподаніи старостамъ благословенія Святѣйшаго Синода, за усердную службу ихъ и стараніе о благоустроеніи церквей.*

По указу ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА, Святѣйшій Синодъ слушали: во 1-хъ представленіе Тамбовскаго Епархіальнаго Начальства, о награжденіи свѣтскаго званія лицъ за службу въ должности церковнаго старосты, отъ 30 іюня 1867 года за № 5673, и во 2-хъ составленную въ Синодальной Канцеляріи, вѣдомость о сихъ лицахъ, съ изложеніемъ въ оной требуемыхъ по этому предмету свѣдѣній. II, между прочимъ, Приказали: по Тамбовской епархіи старостамъ церквей: а) Архидіаконо-Стефановской въ городѣ Тамбовѣ тамошнему 1-й гильдіи купцу Николаю *Носову* и б) Покровской въ селѣ Покровскомъ, Марѣино тожъ, Тамбовскаго уѣзда, крестьянину собственнику Тимошею *Маркову*, за усердную ихъ службу и стараніе о благоустроеніи церквей, при коихъ они служатъ, преподать благословеніе Святѣйшаго

Синода, съ выдачею послѣдному установленной для сего грамоты, о чемъ и послать Епархіальному Начальству указъ, препроводивъ при ономъ и упомянутую грамоту для врученія по назначенію.

Отношеніе Оберъ-Прокурора Святѣйшаго Синода отъ 17 іюня 1868 года. Объ изъявленіи благодарности ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА купцу Розанову.

Господинъ Оберъ-Прокуроръ Святѣйшаго Синода, отъ 17 іюня сего года, далъ знать, Преосвященному Θεодосію, что Его ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЕЛИЧЕСТВО, ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОРЪ на всеподданнѣйшемъ докладѣ Г-на Оберъ-Прокурора, въ выраженномъ желаніи Шацкимъ 2-й гильдіи купцомъ Егоромъ Розановымъ устроить при тамошней Троицкой церкви часовню, въ память избавленія ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА отъ двукратно-угрожавшей Его Величеству опасности 4 апрѣля 1866 года и 25 мая 1867 года, изволилъ собственноручно написать: „благодарить.“

II.

РАСПОРЯЖЕНІЯ ЕПАРХІАЛЬНАГО НАЧАЛЬСТВА.

1) *Объ опредѣленіи на священнослужительскія мѣста.*

Окончившій курсъ семинаріи воспитанникъ Никита *Любовниковъ* опредѣленъ во священника въ село Пады, Тамбовскаго уѣзда, на мѣсто уволеннаго заштатъ Сергія Никольскаго.

Окончившій курсъ семинаріи воспитанникъ Михаилъ *Рождественскій* опредѣленъ во священника въ село Кочетовку, Тамбовскаго уѣзда.

Окончившій курсъ семинаріи воспитанникъ Порфирій *Андреевъ* опредѣленъ во священника къ церкви Лебединскаго Сезеновскаго монастыря.

2) О награжденіи набедренниками за особенно-усердную пастырскую службу.

Священники—Кирсановскаго уѣзда, села Перевоза Алексѣй *Канинскій* и Липецкаго уѣзда, села Большойз Ибердеи Александръ *Райскій* и тогоже уѣзда села Лукавки Михаилъ *Преображенскій* награждены набедренниками.

III.

ИЗВѢСТІЯ И ОБЪЯВЛЕНІЯ.

О приходѣ и расходѣ суммъ Тамбовскаго училища двѣицъ духовнаго званія.

1866 г. февраля 24 числа. Пожертвовано священникомъ Глазковымъ 13 руб. сер. для покупки матеріаловъ для работы	13 р.
Священ. Болховитинымъ	3 р.
Священ. Целебровскимъ	1 р.
Священ. Викторовымъ	1 р.
Итого.	18 р.

1866 года. Что получено за работу воспитаницъ.

Апрѣль.

За двѣ пары носокъ неизвѣст.	30 к.
За 3 воротничка съ рукав. г. Ломоносовой.	6 р.
За 1 воротничекъ неизвѣсти.	40 к.
За 1 воротничекъ г. Строгановой	50 к.

Май.

За воротничекъ и рукав. г. Евсюковой	2 р.
--	------

Июнь.

За воротничекъ съ рук. г. Чичериной.	1 р. 50 к.
За работу трехъ рубашекъ по кисеѣ, съ казеннымъ матеріаломъ г. Неслуховской	6 р.

За работу оборочекъ неизвѣст.	1 р. 70 к.
За работу двухъ рубашекъ чер. шелк.	"
для г. Адамаръ.	3 р.
За работу двухъ рубашекъ неизвѣст.	2 р. 50 к.
За два воротничка г. Протасовой.	3 р.
За воротничекъ съ рук., шитый по голландскому полотну гладью г. Ознобишиной.	3 р.
За работу двухъ шарфовъ по бѣлому кашемиру шелками г. Начальницъ, съ ея матеріалом.	2 р.

Июль.

За работу 6 паръ дѣтскихъ чулокъ г. Розановой, по 15 коп за пару.	90 к.
За вышивку платья пике для г. Чихачевой.	8 р.

Ноябрь.

За воротничекъ г. Куріянновой.	1 р.
За работу двухъ рубашекъ неизвѣст.	2 р.
За работу двухъ воротничковъ.	3 р.

Итого. 43 р. 70 к.

На сколько куплено матеріалу для работы за 1866 годъ.

Февраль.

Коленкору 5 аршинъ, по 40 коп	2 р.
Батисту 2 ар. по 30 коп	60 к.
Простой бумаги № 40 фунтъ	1 р. 50 к.
Атласной бумаги	60 к.
Голандскаго полотна 1 $\frac{1}{2}$ ар. по 1 руб	1 р. 50 к.
Иголокъ 10 бумажекъ	1 р.
Чернаго шелку 10 золотник. круч. по 18 коп.	1 р. 80 к.
Ножницъ три пары, по 50 коп.	1 р. 50 к.
Желтый карандашъ	15 к.

За шесть тамбурныхъ ручекъ по 60 коп. 3 р. 60 к.
Тамбурныхъ иголокъ 24 к.

Апрель.

Шерстяной матеріи остатокъ 1 р. 75 к.
Иголокъ—10 бумажекъ 1 р.
Шелку черного 15 золот. по 8 коп. 1 р. 20 к.
Синяго бурсу 1 аршинъ 1 р. 75 к.
Шелку цвѣтнаго 1 р. 20 к.

Май.

Муслинъ-сюнсъ 3 ар. по 50 коп. 1 р. 50 к.
Шерстяной матеріи дикой остатокъ. 1 р. 50 к.
Черной матеріи шерстян. остатокъ 1 р. 80 к.
Шелку черного 7 золотниковъ. 70 к.
Атласной бумаги двѣ пачки, по 60 к. 1 р. 20 к.
Иголокъ 5 бумажекъ 50 к.

Августъ.

Коленкору 16 ар. на шторы въ церковь,
по 30 коп 4 р. 80 к.
Кашемиру пунцоваго 3 ар., по 80 коп 2 р. 40 к.
Пуговицъ бѣлыхъ для работы въ церковь 1 р. 20 к.
Бисеру бѣлаго, черного и стеклярусу 2 р. 20 к.

Сентябрь.

Бумаги простой № 40 полуфунта 75 к.
Атласной бумаги 1 р. 20 к.
Иголокъ 6 пачекъ 60 к.
Лансуку 4 арш. по 80 к. 3 р. 20 к.

Октябрь.

Бархата одну четверть 1 р. 75 к.
Канвовыхъ иголокъ. 50 к.
Лентъ бѣлыхъ 2 ар. по 20 коп 40 к.
Канвы два аршин. по 50 коп. 1 р.
Красной бумаги полуфунта 1 р. 50 к.

Ноябрь.

Голандскаго полотна 2 ар. по 1 р. 50 коп. 3 р.

Чернаго шелку тройнаго 10 зол. по 18 . . . 1 р. 80 к.

Декабрь.

Выписано два журнала для воспитанницъ,
одинъ для работы, другой для чтенія . . . 20 р.

Иголокъ пять бумажекъ 50 к.

Бумаги атласной двѣ пачки 60 к.

Лансуку три ар. по 55 к 1 р. 65 к.

Простой бумаги полфунта № 75 75 к.

Карандашъ желтой 15 к.

Коленкору 5 ар., по 30 коп. 1 р. 50 к.

Итого. 80 р. 79 к.

1867 годъ. Что выработано:

Январь.

Три воротничка съ рук. по голандскому
полотну 3 р.

Воротничекъ неизвѣстному 50 к.

Воротничекъ съ рукавами г. Купріяновой. 1 р. 50 к.

Галстучекъ шитый по кашемиру шелк.
г. Исаевой. 50 к.

Мартъ.

За работу по бархату пояса съ каз. мат.
г. Магнитскому 2 р.

Апрѣль.

За работу оборокъ г. Исаевой 2 р.

За работу рубашки русскимъ швомъ 1 р.

Воротнич къ шитый по муслинъ-ваперъ
г. Ломоносовой 3 р.

Май.

За кофту штую гладью по лансуку г. По-

ляковой. 3 р.

За работу платья шитаго чернымъ шолкомъ русскимъ швомъ изъ казеннаго матеріала

г. Машковой 8 р.

За вышивку 3 шторъ, по 2 р. с. каждая,
г. Поляковой 6 р.

Сентябрь.

За воротничекъ и рукава г. Григорьевой. . . 2 р.

За вышивку полотенца г. Заболотской . . . 1 р.

За работу простыни и 4 наволокъ красн. бумагою Заболотской 8 р.

За два воротничка съ рукавами г. Полетаевой 2 р.

Октябрь.

За работу кофты г. Серебряковой. 3 р.

Ноябрь.

За два воротничка съ рукавами Левитской. . 3 р.

За вышивку перелинки для мантильи шелкомъ съ бисеромъ, и стеклярусомъ, для г. Начальницы, съ ея матеріаломъ 5 р.

Гладью вышитая прошивка по остъиндской кисей г. Адамаръ. 2 р.

Два воротничка и двѣ пары рукавчиковъ г. Скарятиной 6 р.

За работу двухъ башлыковъ г. Поляковой, съ ея матеріаломъ. 3 р.

За работу башлыка г. Розановой, съ прибавкою казеннаго матеріала 2 р.

Декабрь.

За три воротничка съ рукавами по голландскому полотну г. Поляковой. 3 р.

Два башлыка для Начальницы, съ ея ма-

теріаломъ	3 р.
Одинъ башлыкъ г. Розановой съ каз. мат	3 р.
За работу дюжины чулокъ г. Розановой,	
20 п. за пару	2 р. 40 к.
За работу кофточки для г. Адамаръ	2 р.
За работу 6-ти паръ носокъ, по 15 п.	
г. Козьмину	90 к.
Воротничекъ и рук. чер. шолкъмъ по голландскому п. г. Малиной	1 р.
Три воротничка съ рукавами по голландскому полотну чер. шол. г. Григорьевсй	3 р.
<hr/>	
Итого	85 р. 80 к.

1867 годъ. Что истрачено на матеріалы.

Генварь.

Бумаги для чулокъ два фунта	1 р.
Пуговиць для работы	3 р. 50 к.
Бисеру 4 фунта по 75 коп	3 р.
Крученой бумаги 1 фунтъ	1 р. 75 к.
Атласной бумаги 3 пачки	1 р. 80 к.
Простой бумаги № 40 $\frac{1}{2}$ фунта	75 к.
Нансуку 2 арш. по 1 рублю	2 р.
Иголокъ 10 пачекъ	1 р.

Февраль

Краснаго сукна 3 аршина по 1 рублю	
60 к.	4 р. 80 к.
Чернаго сукна для ковра 4 арш. по 2 р.	8 р.
Берлинской шерсти 5 ф. по 3 р. 75 к.	18 р. 25 к.
Тюлю 1 аршинъ	1 р.
Репсу шерстянаго $4\frac{1}{2}$ арш по 80 к.	3 р. 60 к.

Мартъ.

Чернаго сукна для сватерти $2\frac{1}{2}$ арш.

по 2 р.	5 р.
Голандскаго полотна 1 аршинъ	1 р. 50 к.
Иголокъ 10 пачекъ	1 р.
Бумаги на катушкахъ 10.	40 к.

Апрѣль.

Кашемиру синяго, зеленаго, пунц., бѣлаго, по $\frac{1}{2}$ аршина, 2 арш. по 80 коп.	1 р. 60 к.
Шелку разныхъ цвѣтовъ 10 зол.	80 к.
Иголокъ 10 бумажекъ 18 коп.	1 р. 80 к.
Муслинъ-сюнсъ 5 арш. по 60 коп.	3 р.
Атласной бумаги 2 пачки	1 р. 20 к.

Май

Черной берлинской шерсти 1 фунтъ	3 р. 50 к.
Разнаго шерстянаго шнурка	2 р 80 к.
Красной бумаги полфунта	1 р. 50 к.
Крученой бумаги 1 фунтъ.	1 р. 75 к.

Июнь.

Иголокъ 10 бумажекъ	1 р.
Атласной бумаги 1 пачку.	60 к.
Чернаго шолку тройн. 10 золот., по 18 к.	1 р. 80 к.

Сентябрь.

Крученой бумаги полфунта	82 к.
Бумаги для чулокъ 2 фунта	2 р.
Стеклярусу бѣлаго и чернаго	3 р.
1 бунтъ чернаго бисеру.	60 к.

Октябрь.

Нансуку 2 ар. по 90 к.	1 р. 80 к.
Муслинъ-сюнсъ 3 ар. по 60 коп	1 р. 80 к.
Чернаго шолку тройнаго 8 золот., по 18 коп	1 р. 44 к.
Иголокъ 6 бумажекъ	60 к.

Ноябрь.

Кашемиру бѣлаго 2 арш. по 1 р. 20 коп.	2 р. 40 к.
Разныхъ цвѣтовъ шемаханскаго шелку .	4 р.
Серебра 1 куволку	1 р. 20 к.

Декабрь.

Ножницъ 4 пары по 75 коп.	3 р.
Иголокъ 10 бумажекъ.	1 р.
Голандскаго полотна 2 аршина	2 р. 50 к.
Красный карандашъ	15 к.
Бумаги на катушкахъ 10 кат. по 4 коп.	40 к.
<hr/>	
Итогъ	107 р. 41 к.

1868 годъ.

Январь.

Крученой бумаги 1 фунтъ.	1 р. 60 к.
Крючковъ тамбурныхъ 12.	24 к.
Нансуку 2 арш. по 90 коп	1 р. 80 к.
Бунтъ бисеру.	60 к.

Февраль.

Красной бумаги 1 фунтъ	2 р. 75 к.
Бѣлыхъ тесемочекъ 10 куск. по 10 к. .	1 р.
Крученой бумаги полфунта	80 к.
Батисту 6 ар. по 45 коп.	2 р. 70 к.
Кашемиру оранжеваго 1 $\frac{1}{2}$ ар. по 80 к.	1 р. 20 к.
Чернаго подесуа 1 $\frac{1}{2}$ ар. по 2 р. 70 к.	4 р. 5 к.
Бархату рижскаго 2 ар. по 60 коп . . .	1 р. 20 к.
Атласной бумаги 3 пачки	1 р. 80 к.
Пуаъ де шевръ 9 ар. по 35 к	3 р. 15 к.
малиноваго крученаго шелку 2 зол. по 10 коп.	20 к.

Мартъ.

Тюлю 1 аршинъ	1 р.
-------------------------	------

Черныхъ пуговицъ для работы	1 р.
Пуговицъ	30 к.
Бумаги для чулокъ 2 фунта	1 р. 60 к.
Чернаго шелковаго шнура 2 клуб.	79 к.
Итого.	26 р. 79 к.

Всего выработано и пожертвовано	147 р. 50 к.
Истрачено на материалы.	214 р. 90 к.
Перетрачено на материалы.	67 р. 49 к.

БАЛАНСЪ

Тамбовскаго городского общественнаго Банка.

по 1 Юля 1868 года.

(БАНКЪ ИМѢЕТЪ)

АКТИВЪ.

Наличность или касса	158007 р. 73 к.
Находится въ учтенныхъ векселяхъ.	278310 р.

Въ ссудахъ подъ залоги:

а) Земель.	208300 р.
б) Зданій.	74225 р.
в) Вещей.	2789 р. 50 к.
г) Государственныхъ $\%$ бумагъ	56105 р. 20 к.

Выдано процентовъ по вкладамъ:

а) Срочнымъ	6047 р. 50 к.
б) Безсрочнымъ.	3319 р. 32 к.
в) Ввчнымъ.	185 р. 25 к.
Отпущено въ пособіе городскимъ до- ходамъ	3506 р. 44 к.
Расходовъ по содержанию Банка	949 р. 38 к.

Балансъ.	791745 р. 32 к.
------------------	-----------------

(Долженъ)

ПАССИВЪ.

Основный капиталъ	54349 р. 31 ¹ / ₄ к.
Запасный	3069 р. 14 к.
Процентные вклады безсрочные	327280 р.
Срочные	305950 р.
Въчные	8350 р.
Вклады на храненіе (безъ ⁰ / ₁₀₀ .)	32618 р. 67 ¹ / ₄ к.
Суммы переходныя	4268 р. 18 ¹ / ₂ к.
Процентовъ по операціямъ	25855 р. 11 к.
Проценты принадлежащія вкладчи- камъ по 1868 г.	15776 р. 60 к.
Проценты перешедшіе по срокамъ платежей на 1868 годъ	14228 р. 30 к.
Балансъ	791745 р. 32 к.

Директоръ *Афанасьевъ*.

Редакторъ Протоіерей Іоаннъ Москвинъ.

Съ дозволенія цензуры. 13 Августа 1868 года.

Тамбовъ. Въ Губернской Земской Типографіи.

П Р И Б А В Л Е Н І Е

К Ъ

ТАМБОВСКИМЪ ЕПАРХІАЛЬНЫМЪ

ВЪ ДОМОСТЯМЪ.

1 СЕНТЯБРЯ

№ 17.

1868 ГОДА.

КАКЪ СОСТАВИТЬ ПРОПОВѢДЬ?

(Продолженіе.)

4) Но на одномъ убѣжденіи слушателя проповѣдникъ не долженъ останавливаться. Его долгъ, и долгъ главный, въ коемъ и цѣль проповѣди, — расположить волю слѣдовать внушенной истинѣ, довести ее до рѣшимости слѣдовать ей истинѣ, — принять ее въ правило жизни, въ правило для мыслей, желаній, чувствъ, расположеній, словъ и поведенія. Убѣжденіе пролагаетъ путь къ сему вѣрный, но нерѣшительный. При убѣжденіи легко уже побѣдить волю; но оставивъ слушателя при одномъ убѣжденіи, нельзя быть увѣрену, что онъ будетъ и слѣдовать внушенной истинѣ. Потому проповѣдь и убѣдительная еще не доведена до конца, если она остановится на семъ одномъ. Къ ней надобно прибавить еще мысли а) *волю побуждающія* и б) *показывающія образъ исполненія истинны*, или самое *приложеніе* ея къ жизни.

а) Для побѣды надъ волею обыкновенно назначаютъ въ проповѣди особую часть, такъ называемую *страстную*, и въ ней заботятся о возбужденіи страстей. Это есть дѣло совѣтъ незаконное

въ проповѣди и недоводящее до цѣли. Чрезъ возбужденіе страстей можно поразить, потрясти, разжалобить; но когда этотъ жаръ минетъ, человѣкъ, пришедши въ обыкновенное, разное расположеніе духа, останется съ тоюже непокоривою истинѣ волею. Проповѣдь же должна произвести не минутный порывъ, а рѣшимость твердую, непоколебимую, невозвратную. Потому надобно употреблять другое средство, а не возбужденіе страстей.—Именно:

Есть, въ области несомнѣнныхъ истинъ, такіе предметы, къ которымъ воля человѣка имѣетъ непритворное глубокое и неотразимое благоговѣніе, влеченіе и покорность. Когда ей ясно будетъ указано въ проповѣдуемой истинѣ отраженіе сихъ предметовъ, упорство ея не можетъ поколебаться. Такіе предметы суть:

а) *Изъ отношенія къ Богу:* чувство зависимости отъ Него всесторонней, благоговѣйный страхъ къ Нему—Творцу, Вседержителю, Искупителю, Освятителю, Судіѣ.

б) *Изъ отношеній къ самому человѣку:* сознаніе достоинства человѣческой природы, и достоинства христіанина; стремленіе къ совершенству; желаніе внутренняго покоя и счастія.

в) *Изъ отношеній къ ближнимъ:* благодарность, состраданіе, чувство справедливости.

г) *Изъ отношеній къ вѣчной участи человѣка:* смерть, судъ, рай, адъ.

Итакъ, чтобъ побѣдить волю, надобно пробудить въ человѣкѣ усыпленное сочувствіе къ симъ предметамъ, и указать необходимую связь съ ними проповѣдуемой истины. Только такимъ образомъ можно достигнуть того, чтобъ воля покорилась ей

и дошла до рѣшимости твердой, непоколебимой. Всякое другое увлеченіе ея не надежно. И вотъ на что должно быть обращено все вниманіе проповѣдника.

Здѣсь правилъ предписывать нельзя. Если проповѣдникъ самъ глубоко чувствуетъ все сіи истины и сердцемъ постигаетъ прямую съ ними связь своей истины, то онъ успеетъ перелить сію силу и въ слушателей. Холодныя же размышленія ни къ чему не поведутъ. Надобно только замѣтить, а) что ія часть должна идти въ слѣдъ за доказательствами, или за произведеннымъ уже убѣжденіемъ. Безъ сего она не будетъ имѣть опоры. б) Что лучше не разбивать ея по частямъ, а предлагать совместно послѣ всѣхъ частей. Ибо она должна быть обращена не на предметъ части, а на общую тему всей проповѣди. Такъ въ проповѣди о хожденіи въ церковь, изъ всѣхъ частей выходитъ одно сильное убѣжденіе, что надобно ходить въ церковь. Теперь и остается указать тѣсную связь хожденія въ церковь со всѣмъ, чѣмъ не можетъ не дорожить человѣкъ на небѣ и землѣ, во времени и въ вѣчности, при свѣтѣ, однакожь, тѣхъ мыслей, коими произведено убѣжденіе. Если ставить такое указаніе послѣ каждой части, то оно не будетъ имѣть должной силы. Въ каждой части можно дѣлать только краткіе о томъ намеки. в) Иные говорятъ, что она должна быть больше доказывающей и убѣждающей части, другіе—что она должна быть коротка. Лучше положить такъ: пусть будетъ такова, чтобъ произвела свое дѣйствіе.

б) Пусть воля рѣшилась слѣдовать истинѣ, надобно показать ей, какъ это сдѣлать, какъ ввести сію истину въ порядокъ жизни, и внутренней

и виѣщней. Если этого не сдѣлать, то слушатель и при рѣшимости будетъ въ недоумѣніи, какъ взяться за дѣло. Потому надобно войти въ его бытіе и указать ему все способы, какъ и когда онъ можетъ исполнить ее. Мудро указанное приложеніе продолжитъ какъ бы путь истинѣ во все отношенія жизни человѣка,—раскроетъ легкость и удобство исполненія ея, и устранить препятствія. Непокоряющагося истинѣ это сдѣлаетъ безответнымъ, а рѣшившемуся придастъ большее воодушевленіе. Эта часть проповѣди есть *приложеніе*. Очевидно, что надобно хорошо знать внутреннее состояніе и виѣшній бытіе слушателей, чтобъ примѣнить къ ихъ жизни проповѣдуемую истину. Эта трудность увеличивается когда проповѣдникъ имѣетъ слушателей разнаго состоянія. Тогда онъ долженъ обнять ихъ все.

Приложеніе есть продолженіе побѣдительной части, и, по своему значенію, не только не должно ослаблять, но даже усиливать дѣйствіе ея. Онѣ легко могутъ быть и соединяемы. Приложеніе можетъ быть удачно разсѣваемо между мыслями, направленными на покореніе воли,—и облегчать имъ свое на нее дѣйствіе.

5) При раскрытіи частей во всехъ показанныхъ доселѣ пріемахъ, то есть, и въ доказываніи, и въ склоненіи воли, и въ приложеніи могутъ встрѣчаться возраженія, или мысли противоположныя, ослабляющія и советѣмъ уничтожающія силу мыслей положительныхъ. Возраженія сіи бывають: или недоумѣнія и сомнѣнія въ истинѣ, или предлоги въ оправданіе неисполненія ея, или препятствія къ исполненію во виѣшнемъ бытіи и внутреннемъ состояніи слушателей. Проповѣдникъ не

долженъ упускать ихъ изъ вида, долженъ ихъ раз-
смотреть, завѣсить и пріискать опроверженія. Они
составляютъ преграду, пресѣкающую доступъ вну-
шаемыхъ истинъ къ уму и сердцу слушателей. На-
добно разорить сію преграду, и открыть входъ
истинъ въ умъ и сердце, для безпрепятственнаго
принятія ея умомъ и сердцемъ. Но при семъ—

а) Не должно вымышлять возраженій,—но
брать во вниманіе только тѣ, кои естественно мо-
гутъ рождаться въ умъ и сердце слушателей. Какъ
последнихъ не должно пропускать, ибо иначе все
слово не будетъ имѣть плода и дѣйствія; такъ
первыми не должно обременять безъ пользы сло-
ва, и ко вреду развлекать слушателей.

б) Возраженіе выставлать и выяснять полно,
какъ оно можетъ быть у слушателей, не ослабляя
его намѣренно. Но потомъ опровергать его съ си-
лою, энергією, твердыми и убѣдительными мыс-
лями, тѣся противника и заставляя его молчать.

в) Иногда истины ясны и убѣдительны сами
собою, но встрѣчаютъ много преградъ къ приня-
тію ихъ. Отъ того большая часть проповѣди со-
стоитъ въ борьбѣ съ ними, или же вся проповѣдь
получаетъ характеръ спорный съ мнѣніями, пред-
логами, предубѣжденіями и препятствіями. Но въ
концѣ ея всегда должна быть прилагаема часть,
склоняющая волю, чтобъ собрать во едино всѣ
мысли сильныя побѣдить ее.

б) Заключение вытекаетъ само собою изъ все-
го изслѣдованія. Но о *приступѣ* должно позабо-
титься, и именно теперь, по разсмотрѣніи всего,
Зная содержаніе всего слова, легче придумать мы-
сли, которыми можно расположить вниманіе слу-
шателей, именно къ тому предмету, о которомъ

будетъ слово. Между темъ, составивши напередъ приступъ, иногда нужно бываетъ отказаться отъ него; потому что онъ оказывается несоответствующимъ содержанию слова, какъ оно раскрылось въ послѣдствіи.

Приступъ есть существенная и очень важная часть въ проповѣди. Она назначается на то, чтобъ собрать вниманіе слушателей, указать имъ предметъ и заохотить слушать ученіе о немъ. Соответственно сему назначенію, въ приступъ не должно быть болѣе трехъ мыслей, именно: 1, какая нибудь приличная общая мысль, 2, переходъ отъ нея къ темъ и 3, самая тема.

Общею мыслию могутъ быть недоумѣнія, нечаянности, трудности, препятствія, важность предмета, случай и обстоятельства, изъясненіе текста избраннаго, или другаго приличнаго темъ.

Переходъ отъ нихъ къ темъ должны составлять мысли, заставляющія говорить именно о семъ, а не о другомъ предметѣ.

Посему для составленія приступа уясни себѣ мысль, которая побуждаетъ говорить именно о семъ, и потомъ возьми ближайшую къ ней общую мысль. Расположить сіи мысли оставляется на свободу. Можно ставить мысль общую напередъ, и переходную послѣ. Можно и наоборотъ, начать съ переходной, и послѣ нея оставить общую.

Отсюда слѣдуетъ:

а) Въ приступѣ не должно быть стороннихъ мыслей и понятій, кромѣ сихъ трехъ. Всякая прибавка будетъ развлекать, а не собирать.

б) Приступъ долженъ быть близокъ къ предмету. Это требованіе исполняется, когда берется для него самая ближайшая общая мысль, отъ ко-

торой чрезъ одну мысль можно перейти къ темъ. Коль скоро общая мысль слишкомъ далека, такъ что отъ нея къ темъ надобно переходить чрезъ двѣ и три мысли,—приступъ будетъ далекъ.

в) Самый хорошій приступъ тотъ, который идетъ именно только къ этой темъ. Приступы, кои съ малымъ измѣненіемъ можно приставить къ нѣсколькимъ проповѣдямъ, общи. Это зависитъ отъ того, что общая мысль приступа—слишкомъ обширна. Потому даже ближайшую общую мысль надобно представлять въ такомъ видѣ, чтобъ она прямо указывала на избранный предметъ.

г) Если общая мысль берется не изъ того круга, къ которому принадлежитъ предметъ проповѣди, приступъ будетъ кривъ, побоченъ, не прямъ.

д) Осмотрѣвши такимъ образомъ свой предметъ и всѣ части проповѣди, надобно написать *расположеніе*, краткій очеркъ всего, что имѣеть войги въ проповѣдь,—начиная съ приступа и оканчивая заключеніемъ. При семъ снова провѣрится все по строю проповѣди, и еще болѣе уяснится. Писать *расположеніе* нужно, чтобъ установить мысли, но не прежде, какъ по собраніи уже всѣхъ матеріаловъ; иначе нечего располагать.

Примѣчаніе. Во всемъ этомъ трудѣ приготовленія къ составленію проповѣди надобно помнить слѣдующія замѣчанія: а) имѣть постоянно въ виду слушателя, и больше съ нимъ говорить, нежели съ истиною. б) Приходящія мысли записывать, и особенно тѣ, кои рождаются съ нѣкоторымъ движеніемъ сердца. При этомъ обыкновенно предметъ становится яснѣе и приспособляется

къ проповѣди. Въ другой разъ уже не напишешь такъ, какъ въ сію пору, в) Особенно надобно себя убѣдить, свое сердце согрѣть предметомъ, возлюбить его, и возжелать передать его слушателямъ. Самая вѣрная мѣра хорошаго приготовления—когда душа захочетъ съ нетерпѣніемъ говорить и высказать все, чѣмъ она исполнена.

Б. О самомъ сочиненіи проповѣди.

Когда предметъ осмотрѣнъ со всѣхъ сторонъ, все нужныя матеріалы собраны и составленъ отчетливый планъ всего, можно браться за перо и писать; но — не прежде. Худо, если подъ перомъ надобно обдумать, пополнять или собирать свѣдѣнія. Отъ этого теченіе рѣчи пресѣкается, и снова начинается, каждый разъ непоже на предыдущій; проповѣдь выходитъ разнохарактерная, составленная изъ разныхъ клочковъ, часто несвязныхъ и ненаправленныхъ къ одной цѣли.

Но пусть и собрано все, успѣхъ въ сочиненіи еще не такъ вѣренъ, чтобъ можно было рѣшительно присвоить его себѣ. Если нѣкоторый живительный духъ не низойдетъ на этотъ хаосъ, то есть, весь собранный матеріалъ,—не приведетъ его въ среднее движеніе и не свяжетъ всего въ живой составъ; все собранное будетъ представлять одно безобразное смѣшеніе, или скелетъ безъ плоти и кожи, и безъ духа жизни, который бы исполнялъ все.

Сочинять слово не значитъ прибирать слово къ слову, или выраженіе къ выраженію, но значитъ изводить или пораждать связную, стройную и цѣлесообразную ткань мыслей, полныхъ жизни и силы, которая въ то же время привлекаетъ и соответственное слововыраженіе. Это дѣйствіе духа подчиняется и

въ проповѣди 1) общимъ законамъ сочиненія, 2) примѣняясь однако къ характеру проповѣди и разныхъ частей ея.

1) *Общія законы сочиненія проповѣдей.*

Весь составъ слова можно представить подъ образомъ живаго тѣла. *Расположеніе* (уже готовое) это скелеть: кости собраны къ костямъ и связаны. Надобно еще покрыть ихъ *плотію*, и навестъ на нихъ *кожу*. *Плоть* а) это вся *ткань мыслей*, составляющихъ слово; *кожа* — б) это ихъ выраженіе или слогъ.

То и другое совершаетъ духъ проповѣдничества, который если не воздѣйствуетъ въ сердце, не будетъ въ тѣлѣ слова, ни плоти стройной и сильной, ни кожи красивой.

а) *Ткань или развитіе мыслей въ словѣ.*

Теченіе и соотношеніе главныхъ мыслей въ словѣ указаны въ расположеніи. Надобно ихъ развить, представить во всей ясности и полнотѣ. Какъ это сдѣлать? Въ чемъ искусство развитія мыслей?

Каждая мысль имѣетъ свою систему родныхъ съ нею мыслей, (причины, слѣдствія, подобія, примѣры, противоположенія, сходства, различія, свидѣтельствва и проч), которыя она приводитъ въ движеніе всякой разъ, какъ занимаетъ вниманіе ума,—и кон, собираясь вокругъ нея, сообщаютъ ей свѣтъ, силу и полноту.—Мысль голая, неторгнутая изъ сей системы, слаба, бѣдна, безцвѣтна; но предложите ее вмѣстѣ съ сею системою, она явится полною жизнью, займетъ умъ, привлечетъ сердце. Главныя мысли, какъ сказано, указаны въ расположеніи,—заготовлена и система подобныхъ, сопряженныхъ имъ мыслей—въ собраніи ма-

теріаловъ. Не все однакожь изъ сего собраннаго должно войти въ составъ слова, а только то, чего требуетъ и что позволяетъ мѣсто каждой главной мысли въ словѣ, и ея цѣль. Итакъ, все искусство развитія мыслей состоитъ въ умѣнн собирать около главныхъ мыслей мысли соприкосновенныя имъ побочныя, которыя бы представляли ихъ въ сродной имъ полнотѣ и силѣ,—и притомъ въ такой степени, какая свойственна каждой изъ нихъ по ихъ мѣсту и назначенію въ словѣ—въ умѣнн вести стройную, полную и цѣлесобразную ткань мыслей, составляющихъ содержаніе слова.

Здѣсь наука оставляетъ проповѣдника. Внутренняя архитектуроника духа проповѣдническаго для ней недоступна. Она смотритъ только на самыя его произведенія и изъ нихъ извлекаетъ одни *общіе законы*, коими опредѣляется теченіе и сочетаніе мыслей.

1) *Всѣ мысли въ словѣ должны быть связаны между собою такъ, чтобъ одна мысль заключала въ себѣ, такъ сказать, сѣмя другой, и всѣ вмѣстѣ были какъ бы набраны на одну нить.* Вниманіе слушателя будетъ тогда легко переходить отъ одной мысли къ другой,—безъ напряженія и усталости, и во мгно еше ока озаритъ всю пройденную цѣпь, Нѣтъ ничего несноснѣе, когда мысли раздроблены, отдалены одна отъ другой, или приставлены безъ внутренней связи. Онѣ утомляютъ и разебаваютъ тогда вниманіе. Отсюда переходы отъ мысли къ мысли и отъ части къ части составляютъ существенную принадлежность стройно составленнаго слова.

2) *Всѣ мысли должны быть подчинены одной главной мысли, и направлены къ одной главной цѣ-*

ли—и это какъ въ частяхъ, такъ и въ цѣломъ. Такое правило не исключаетъ разнообразія мыслей, но требуетъ, чтобъ, при требуемомъ разнообразіи, онѣ все были проникнуты однимъ духомъ, направлены къ одному. Иначе изъ одного слова выйдетъ нѣсколько. Все ненужныя отступленія и уклоненія къ стороннимъ предметамъ вредятъ цѣлости и стройности слова, и показываютъ, что проповѣдникъ или не ясно видитъ свою цѣль, или не умѣетъ владѣть собою и своими мыслями, или слишкомъ дорожитъ всемъ, что рождается въ умѣ его.

3) *Всякая мысль должна получить развитіе, напряженіе и свѣтъ соответственно своему значенію въ словѣ.* Какъ въ картинѣ всякой фигурѣ и всякой части дается свой тонъ и своя степень свѣта, смотря по отдаленію ихъ отъ глаза зрителева,—ближайшія отдѣляются съ полною отчетливостію и опредѣленностію, отдаленныя остаются въ полусвѣтѣ и полутѣни: такъ и въ словѣ, чѣмъ мысли ближе къ главной и существеннѣе въ общемъ составѣ, тѣмъ большее должно дать имъ напряженіе и развитіе, и наоборотъ, тѣмъ меньше должно напрягать ихъ и развивать, чѣмъ онѣ дальше отъ главной мысли, и менѣе существенны въ словѣ. Безъ соблюденія сего закона нельзя произвести никакого впечатлѣнія на слушателей: они не поймутъ, что хотѣлъ внушить имъ проповѣдникъ.

Соблюденія сихъ законовъ сообщаютъ слову слѣдующія качества: легкость, стройность, полноту, соразмѣрность, опредѣленность и единство при всемъ разнообразіи. Но не должно забывать при томъ, что проповѣдь не *разсужденіе*, что, раз-

вивая по симъ законамъ мысли, должно заботиться, чтобъ онѣ были—ясны, убедительны и побидительны.

Ясны, не для тебя, а для твоихъ слушателей,— чтобъ онѣ ими были поняты безъ затрудненія и стѣсненія.

Убидительны, не силою только доводовъ самихъ въ себѣ, но силою дѣйствія ихъ на сердце твоихъ слушателей; туда иди, и, устранивъ все препятствія, слагай ихъ тамъ, какъ въ сокровищницу.

Побидительны, такъ чтобъ въ концѣ развитія можно было быть увѣрену, что слушатели подвигнутся на рѣшимость, что теченіе мыслей вставитъ ихъ вниманіе въ вѣчный ихъ порядокъ, и разбудитъ усыпленныхъ двигателей дѣятельности.

Такой духъ—*вышительности, сердечной теплоты, отеческой убедительности и увѣщательности* долженъ царствовать во всемъ тѣлѣ слова, являясь, конечно, въ полной своей силѣ преимущественно только въ сродной себѣ части слова.

Сколько существенны такія требованія, столько же несомнѣнно, что искусство вести такую ткань мыслей не можетъ быть передано никакою наукою. Никто не можетъ научить, что гдѣ поставить, съ чего начать, чѣмъ кончить, какой дать оборотъ той или другой мысли. Все строится внутреннимъ нашимъ архитекторомъ—сердцемъ. Когда сердце возбуждено и облюбило предметъ и жаждетъ передать свое сочувствіе другимъ; тогда изъ него, какъ изъ источника, потекутъ мысли отборныя, полныя животворной теплоты и убидительности; оно не допуститъ ни одной мысли, которая бы не вязалась съ цѣлымъ, равно какъ не

пропустить ни одной, нужной для полноты цѣлаго,—все направить къ одному, все исполнить однимъ духомъ, и ничему не позволить развиться болѣе, нежели сколько нужно.

Потому, приступая къ сочиненію слова, 1) всѣчески надобно стараться придти въ чувство, и именно отъ дѣйствія предмета, о коемъ слово,—новымъ размысленіемъ войти въ него, воспроизвести самоубѣжденіе и желаніе научить. Уединеніе, молитва, чтеніе слова Божія много помощны въ семъ дѣлѣ.

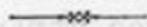
Предметъ, коснувшійся сердца, будетъ ключемъ отъ тайника нашихъ мыслей, и заведетъ ихъ по своей силѣ и направленію. Слово, написанное въ такомъ состояніи, будетъ связно, стройно, живо и сильно.—Но притомъ

2) Не упускай изъ вниманія предмета и цѣли слова.

3) Поставь предъ собою слушателя, и веди съ нимъ рѣчь: толкуй, убѣждай, склоняй. Верхъ совершенства въ сочиненіи слова, когда оно кажется несочиненнымъ.

4) Позаботься кончить слово въ одинъ пріемъ. Если нужда заставитъ отрываться, то, приступая снова къ слову, старайся войти въ тоже теплое состояніе, въ которомъ писалъ прежде, и привести снова въ движеніе всю прежнюю сферу мыслей и чувствъ. Если и это не удастся, по крайней мѣрѣ по окончаніи слова, все переладь за однимъ духомъ.

(Продолженіе будетъ.)

ФИЛОСОФСКІЯ РАЗМЫШЛЕНІЯ

0

БОЖЕСТВЕННОСТИ ХРИСТИАНСКОЙ РЕЛИГІИ,

Огюста Шиколя.

XIV.

ОБЪ ЕВХАРИСТІИ.

(Продолженіе)

3. Чѣмъ тѣснѣе соединяется съ нами въ Евхаристіи Господь Иисусъ Христосъ, тѣмъ болѣе достигается самая цѣль, которую Онъ предположилъ для себя и которая состоитъ въ томъ, чтобы посредствомъ приобщенія Его жертвы ввести насъ въ участіе въ Его любви и потомъ возвести къ участию въ Его славѣ и блаженствѣ. Любовь за любовь, жертва за жертву. Изъ любви къ намъ Богъ Слово обнищаль, надобно и намъ обнищать; Онъ представляетъ намъ залогъ любви своей: надобно и намъ представить залогъ вѣры. Вѣчное Упостасное Слово уничижило свое Божество и даже свое святое человѣчество до того, что окрываетъ ихъ въ малыхъ частяхъ хлѣба и вина: надобно и намъ уничижить и смирить вѣрою собственный разумъ и чувства до той же самой степени уничиженія и, чтобы достойно ихъ принять, поставить себя въ положеніе, соотвѣтствующее тому положенію, въ какое Онъ поставляетъ Себя, чтобы даровать намъ Самаго Себя. Колеблется разумъ, возмущаются чувства, отвращается природа человѣческая; но здѣсь-то собственно — мученичество любви и свидѣтельство вѣры. И если вѣра здѣсь одерживаетъ верхъ, она вмѣстѣ съ любовью воз-

носится выше всякаго уничтоженія природы; она находитъ въ себѣ неисчерпаемый источникъ отрады и блаженства въ томъ, что чрезъ это привлекаетъ къ себѣ любовь Бога, вмѣстѣ съ Нимъ и ради Его страждетъ, какъ и Онъ ради насъ, и можетъ говорить Ему: я отъ всего отеклась, все принесла Тебѣ въ жертву, у меня не остается уже ничего больше; я желала бы имѣть возможность принести Тебѣ больше, ибо знаю, что Тотъ, кому отдаюсь, есть сама вѣчная Истина, сама вѣчная Любовь; и я признаю Его таковымъ не только во всѣхъ родахъ Его самопожертвованія, до которыхъ Онъ добровольно уничтожилъ Самъ Себя, но и въ тѣхъ, которыхъ требуетъ отъ меня.

Истинная любовь желала бы не принадлежать самой себѣ, чтобы зависѣть только отъ предмета любимаго,—исчухнуть въ своемъ собственномъ существованіи, чтобы оживляться только существованіемъ другаго; къ этому стремятся всѣ ея движенія, всѣ обнаруженія и поступки; это самая высшая степень ея жизни. Такая жизнь любви, очевидно, не терпитъ никакого раздвоенія, но требуетъ, чтобы совершалось единство и совершалось во всемъ существѣ — въ тѣлѣ, душѣ и сердцѣ. Посмотрите на мать, съ любовію питающую своимъ молокомъ дитя; она желала бы соединить, слить свою собственную жизнь съ жизнью своего дитяти, она даетъ ему въ пищу самую себя, какъ внушаетъ ей это сама природа, а ея цѣлованія, объятія, прижиманія со всѣмъ жаромъ и живостію любви что другое означаютъ, какъ не движенія этой естественной потребности любви, которая бы желала расторгнуть всѣ чувственныя преграды, чтобы тѣснѣе соединиться душами, желала бы овла-

дѣть тѣмъ, кѣмъ она любить питаться, чтобы соединиться съ нимъ, жить имъ и въ немъ и самой *пересуществовать* въ него.

И что то за совершенная любовь, которая бы не искала этого чуда *пересуществованія*, если онъ въ ея власти?

И что же? Богъ — самъ въ Себѣ вѣчная и преносущая Любовь, отъ которой исходятъ и возжигаются все виды любви въ существахъ сотворенныхъ, — творить это самое чудо, потому что это для Него возможность и Его-то собственно любви свойственно простирается до *незданныхъ* предѣловъ возможнаго. Когда Богъ Слово по своей безпредѣльной любви сталъ человѣкомъ, сдѣлался жертвою за человѣка, могъ ли Онъ остановиться на этомъ? Вѣчный законъ Его любви не требовалъ ли еще большаго, — не требовалъ ли еще, чтобы Онъ возжелалъ сдѣлаться и пицею человѣка? И Онъ действительно сдѣлался пицею нашею, потому что это для Него возможно. Впрочемъ надобно сказать, что въ семь случаевъ Онъ возетановлялъ только то, что Его же любовью первоначально было устроено въ самомъ существѣ нашей природы, въ дѣйствіе чего Онъ самъ составляетъ жизнь и жизнь нашихъ душъ; а здѣсь Онъ только вновь отдалъ Себя намъ для тойже цели, подъ образомъ приспособленнымъ къ нашей немощи. Но тотъ же законъ любви требуетъ и отъ насъ взаимности. Какъ Онъ всецѣло въ своей Божественной личности предалъ Себя на смерть ради насъ, чтобы жить въ насъ; такъ и намъ надобно ради Его всецѣло умереть въ самихъ себѣ, чтобы жить въ Немъ одномъ. Надобно достигать до того состоянія любви, въ какомъ были св. Апостолы Павелъ, когда

говорить: желаю разрѣшиться и быть только съ однимъ Христомъ (Фил. 1, 23); надобно, чтобы это отрѣшеніе отъ самихъ себя и прильпленіе ко Христу постоянно возрастали въ насъ въ своей степени, силѣ и нераздѣльной цѣльности до того, чтобы мы могли съ тѣмъ же св. Апостоломъ говорить: я распялся со Христомъ, и уже не я живу, но живетъ во мнѣ Христосъ (Гал. 2, 19. 20). Какимъ же образомъ можетъ совершиться въ насъ чудо такой всецѣлой преданности и единенія со Христомъ, соответствующія Его Божественному самопожертвованію ради насъ? Не иначе какъ чрезъ многократныя опыты нашей вѣры въ дѣйствительное присутствіе Его тѣла и крови подъ видами хлѣба и вина, вѣры непоколебимой, вопреки всѣхъ естественныхъ соображеній нашего ума, вопреки всѣхъ показаній чувствъ нашихъ. Для всего этого надобно умереть и отъ всего отрѣшиться; во всемъ надобно слѣдовать однимъ указаніямъ вѣры, и не видѣть въ себѣ ничего кромѣ того святаго изволенія и любви, чтобы дѣйствительно прійти въ общеніе, тѣснѣйшимъ образомъ соединиться со Христомъ и, такъ сказать, упраздниться въ Его высочайшемъ благоволеніи, въ Его безпредѣльной любви.

Вотъ философское основаніе естественной непостижимости таинства Евхаристіи: оно непостижимо потому, что цѣль его есть окончательное выраженіе высочайшей любви, что оно служитъ средствомъ для показанія величайшаго самопожертвованія Бога ради человека и человека ради Бога. И созерцательный гений Платона предугадывалъ эту отрадную истину въ образахъ древней теогоніи, когда онъ писалъ: «всѣ жертвоприношенія и

тѣ предметы, которыми завѣдываетъ священная наука и посредствомъ которыхъ божество соединяется съ людьми, направлены къ той цѣли, чтобы сохранять и питать любовь.» (*)

4. Здѣсь открывается еще новая мысль, не менѣе богатая, какъ и выше изложенная нами. Таинство Евхаристіи, оживляя такимъ образомъ любовь, оживляетъ въ насъ и совершенство природы нашей, перерождаетъ насъ во всемъ существѣ нашемъ и его отношеніяхъ.

Истина общезвѣстная, что весь человѣкъ со всемъ, что есть въ немъ высшаго, превосходнѣйшаго и наиболѣе существеннаго, сводится въ своей совѣсти, въ своемъ чувствѣ нравственномъ. Но и сама совѣсть не всегда бываетъ въ одинаковой мѣрѣ жива и исправна. Она разстроивается разрушительнымъ дѣйствіемъ на нее страстей и потому не обращаетъ иногда надлежащаго вниманія на наши обязанности, не внушаетъ и не наставляетъ на ихъ исполненіе или только издали и слабо даетъ намъ чувствовать свое дѣйствіе, иногда же доходитъ до того, что вовсе перестаетъ дѣйствовать, либо и сама измѣняетъ своему назначенію, переходитъ на сторону страстей и дѣйствуетъ согласно ихъ требованіямъ, тогда какъ должна бы предупредить и преслѣдовать ихъ въ нашей жизни. Слѣдовательно, необходимо какое нибудь опредѣленное средство для установки и управленія самою совѣстію,—этою распорядительницею нашей нравственной жизни, и необходимо почти такъ же, какъ для часовыхъ стрѣлокъ, которые своимъ движеніемъ опредѣленно показывая часы

(a) Platon, Banquet.

времени, сами управляются невидимою пружиною, посредствомъ которой приводятъ ихъ въ движеніе, сообразное движенію свѣтилъ небесныхъ.

Такая тайная пружина въ человѣкѣ, которая приводитъ въ движеніе его нравственное чувство, или его совѣсть, есть чувство религиозное, чувство таинственное. Это по преимуществу любовь къ своимъ обязанностямъ, любовь обращенная къ своему источнику и своему предмету—къ Богу. Утверждаю, что испытанія, чрезъ которыя намъ необходимо пройти, чтобы удостоиться приобщенія Евхаристіи, составляютъ уже однѣ сами по себѣ могущественное средство къ возрожденію нашего чувства нравственнаго, нашей совѣсти.

Что портитъ и извращаетъ въ насъ религиозное чувство, или просто чувство нравственное? Не лукавство, ли нашего ума и сердца, не возмущенія ли чувственности, и жизнь, управляемая вещами и обстоятельствами внѣшними, которыя всецѣло увлекаютъ насъ внѣ самихъ себя и доводятъ до того, что мы вовсе теряемъ изъ виду другой міръ, внутренній и нравственный, міръ истины и добродѣтели, въ общеніе съ которымъ мы входимъ посредствомъ совѣсти? Сначала, по лукавству сердца, хитросплетенія ума занимаютъ мѣсто внутренней совѣсти, потому что люди руководствуются соображеніями своего ума и проводятъ ихъ въ совѣсть, и за тѣмъ не хотятъ уже руководиться совѣстію. Совѣсть, какъ верховная и независимая распорядительница внутренней жизни нашей, помимо строгости обязанностей, ею требуемыхъ, уже одною властію своею уязвляетъ гордость человѣческую и противна для нея тѣмъ, что она одна дѣйствуетъ, одна даетъ предварительныя распо-

ряженія, повѣряетъ ихъ исполненіе и часто оставиваетъ рѣшенія ума, недавая ему въ томъ отчета, по одному инстинкту своему. Эта власть совѣсти тягостна для ума; потому-то онъ, вмѣстѣ съ лукавымъ сердцемъ, стремится поставить на мѣсто требованій совѣсти свои умствованія и хитросплетенія казуистическія, даже у такихъ людей, которые по видимому руководствуются совѣстію, какъ напр. у іезуитовъ. Эта гордыня и есть начало зла, и ей необходимо упорно сопротивляться непрестаннымъ вниманіемъ и покорностію тому внутреннему голоеу, которымъ говоритъ намъ совѣсть наша. Съ этимъ главнымъ грѣхомъ соединяются и все прочіе; подъ его защитой и чувственности и похоти плотскія и все страсти безпрепятственно находятъ удовлетвореніе своимъ преступнымъ требованіямъ, въ чемъ и заключается ихъ обманчивая и пагубная сладость. Велѣдствіе своей непокорности велѣніямъ совѣсти и въ наказаніе за то разумъ лишается силы и возможности справляться съ своими страстями, подчинять ихъ себѣ, и становится ихъ игрушкою, ихъ угодиномъ и рабомъ, и челоуѣкъ всецѣло развращается.

Врачевство противъ этой духовной болѣзни должно состоять въ рѣшительномъ противудѣйствіи кореннымъ ея свойствамъ. Чтобы возстановить силу и значеніе совѣсти, необходимо разлучить насъ отъ всего того, что производитъ въ насъ ея порчу и извращеніе; ее саму освободить и очищать отъ всехъ разнородныхъ, стороннихъ стихій, ее потемняющихъ и заглушающихъ; расторгнуть все связи, по крайней мѣрѣ, на время, съ нашими пристрастіями и привычками, съ нашими мнѣніями и предубѣжденіями земными, отрѣшиться отъ

этой внѣшней жизни, зависящей отъ предметовъ временныхъ и скоропреходящихъ, всегда насъ развлекающихъ, и войти, сосредоточиться въ самихъ себѣ. Это требованіе простирается столько же на душу, какъ и на тѣло. Определенная діета составляетъ предварительное условіе и первый приемъ этого духовнаго врачеванія; потому что невоздержаніе есть источникъ безчисленныхъ болѣзней духовныхъ, какъ и тѣлесныхъ. Но этого было бы еще мало или и вовсе недостаточно для того, чтобы отрѣшиться насъ отъ предметовъ внѣшнихъ, насъ увлекающихъ; необходимо еще насъ самихъ обнажить и очистить отъ нашихъ собственныхъ качествъ, которыя стѣсняють насъ и отдѣляютъ отъ міра духовнаго, составляютъ какъ бы стѣну, разлучающую насъ съ онымъ. Слѣпое довѣріе къ нашему частному сужденію, исключительная привязанность къ нашему собственному смыслу и чувству образуютъ первый узелъ всѣхъ связей, прикрѣпляющихъ нашу жизнь къ предметамъ внѣшнимъ и кругомъ опутывающихъ нашу душу. И потому необходимо направить мечъ раздѣленія на эти связи, столь пріятныя для гордости человѣческой, и возвести насъ къ тому, что есть въ насъ самаго существеннаго и самаго простаго, или сдѣлать насъ, по выраженію Писанія, *чистыми по сердцу*.

Но такой подвигъ самъ собою предполагаетъ состояніе души, которое должно имѣть соответствующую ему причину. Человѣкъ не можетъ отрѣшиться отъ среды, въ которой живетъ, и еще менѣе—отъ самаго себя, не привязываясь къ какому-либо предмету, заступающему въ его душу и сердце мѣсто тѣхъ, отъ которыхъ онъ отрѣшается,

и по предпочтенію къ которому отрѣшается отъ сихъ послѣднихъ. Какой же предметъ можетъ имѣть надъ нашею душею такую власть, все превышающую, кромѣ одного Бога? И какимъ наиболѣе дѣйственнымъ чувствомъ можетъ выражаться эта власть, если не чувствомъ любви? А есть-ли, наконецъ, болѣе опредѣлительныя и рѣшительныя побужденія и средства къ раскрытію въ насъ этого могущественнаго чувства любви, кромѣ тѣхъ, которыя Онъ предъявляетъ намъ въ таинствѣ Евхаристіи, гдѣ Онъ самъ представляетъ намъ первый примѣръ безпредѣльнаго самопожертвованія ради насъ и безконечной любви къ намъ?

Какого рѣшительнаго и полнаго самоотреченія не должно производить въ душѣ члѣовѣческой это таинство однимъ внимательнымъ размышленіемъ о томъ, что и какъ въ немъ подается намъ и принимается нами, что здѣсь Самъ Господь Спаситель со всѣмъ своимъ безпредѣльнымъ величіемъ, святостію, милосердіемъ и любовію къ намъ желаетъ войти и жить въ насъ! При умственномъ сближеніи этого неизреченнаго дара любви Божіей съ предметами міра, какой изъ нихъ не помрачается, какое пристрастіе къ нимъ и какой интересъ не покажется недостойнымъ предъ нимъ? И это общеніе съ высочайшимъ совершенствомъ какъ сильно должно подѣйствовать на наше разъединеніе со всѣми призрачными благами земной превратной жизни!

Послѣ этого становится понятною и причина непостижимости таинства. Непостижимость эта сама собою содѣйствуетъ успѣху подвига нашего самоотреченія, возбуждая насъ проникать въ нее только вѣрою, съ отреченіемъ отъ показанія на-

шихъ чувствъ и частныхъ сужденій нашего разума, и хранить ея неприкосновенность рѣшимостію покорной воли. Собранные въ самихъ себя, сосредоченные на внутреннѣйшей единичной части нашего существа, мы съ тѣмъ вмѣстѣ умираемъ для всякой внѣшней жизни и нѣкоторымъ образомъ для всякой собственной жизни, и возвращаемся, такъ сказать, въ ничтожество, изъ котораго воззваны къ бытію, но только для того, чтобы опять возродиться и вновь принять отъ Бога новую жизнь, ту духовную жизнь, которую Онъ своимъ творческимъ вдохновеніемъ сообщилъ первому человеку, но которой сей послѣдній не умѣлъ сохранить.

Наступила, наконецъ, минута этого животворящаго, возродительнаго общенія: все, что составляетъ эту земную жизнь, съ ея призраками, исчезаетъ, самое пространство и время какъ бы не существуетъ; душа, сосредоточенная въ одну способность желать и любить, всецѣло доходитъ до послѣднихъ предѣловъ земнаго существованія. Тутъ она приходитъ въ состояніе соприкосновенія съ Вѣчнымъ и Безпредѣльнымъ, непостижимое единеніе съ Богомъ совершается. Тутъ-то она можетъ говорить съ Апостоломъ Павломъ: *съ тѣлѣмъ* это со мной совершается, *или вѣтъ тѣла, не знаю* (2 Кор. 12, 2). Въ самыхъ чертахъ лица отражается какое-то торжественное и неувимое смѣшеніе мира и страха, страданія и радости, жизни и смерти; даже скажу: эта душа, удостоившаяся вкушать такого великаго дара небеснаго, какъ бы тревожится скорбію, неудовольствіемъ отъ того, что ей опять надобно встунить въ эту жизнь, въ связи съ тѣломъ и его органами. *Для меня*

жизнь—Христосъ, говоритъ она въ себѣ, а смерть приобретение (Фил. 1, 21)

Кто лишаетъ себя таинства Евхаристіи, тому никогда не будетъ дано испытать и понять то, что совершается въ семъ случаѣ съ душою; не дается это и тому, кто вкушаетъ его только по обычаю, наружно. Состояніе это есть тайна взаимно сочетавающейся любви Бога и души вѣрующей. И я не удивлялся, когда узналъ, что Вольтеръ, желая чистосердечно представить себѣ силу и внутреннее дѣйствіе этого таинства и воображая, что этимъ отдастъ ему должное уваженіе, изображаетъ это въ слѣдующихъ чертахъ: «и вотъ люди, принявшіе въ себя Бога, среди торжественной церемоніи, при блескѣ тысячи горящихъ свѣчей, подъ вліяніемъ очаровательной музыки, у подножія блестящаго золотомъ алтаря! Воображеніе покорено; душа увлечена, растрогана, едва испускаетъ вздохи, отрѣшается отъ всего земнаго, соединяется съ Богомъ: Онъ—въ нашемъ тѣлѣ и въ нашей крови. После этого кто позволить себѣ, у кого достанетъ смѣлости сдѣлать хотя одинъ грѣхъ, даже представлять въ мысляхъ? Безъ сомнѣнія, невозможно придумать тайну, которая бы съ большою силою удерживала людей на пути добродѣтели» (а).

Извините, г. поэтъ; но какъ философъ (да кто же можетъ и удивляться сему?) вы вполне достойны презрѣнія. Торжественность церемоніи, свѣчи, музыка, изящество алтаря въ эту минуту не производятъ никакого впечатлѣнія на душъ вѣрующую и жаждущую единенія съ Богомъ. Но на оборотъ, все это ей мѣшаетъ, досаждастъ. Все, что она

(*) Questions sur l' Encyclopedie, t. VI, edit. de Senève.

здѣсь ощущаетъ, имѣетъ свое начало внутри во глубинѣ ея собственаго существа. Прежде и паче всего она желала бы единенія, молчанія. Все, что отвлекаетъ ее къ землѣ и людямъ, и напоминаетъ ей, что она еще существуетъ въ семъ мірѣ, тягостно и прискорбно для нея. Она-вся для Бога и въ Богѣ, и желала бы, подобно Магдалинѣ, *унести Его съ собою*, идти съ Нимъ навсегда въ пустыню, чтобы тамъ безпрепятственнѣе скрѣпить съ Нимъ на вѣки свое единеніе. Безъ сомнѣнія, увлекаетъ ее гармонія, восхищаетъ свѣтъ, плѣняетъ изящество; но это гармонія внутренняя, свѣтъ сверхъестественный, изящество невещественное и нетлѣнное, и малѣйшей доли которыхъ никакъ не представляютъ ни чувства, ни воображеніе, и которыми она тѣмъ чище и полнѣе наслаждается, чѣмъ меньше примѣшиваются къ нимъ чувства и воображеніе. Это общеніе любви, самое сладостное, самое живое и самое дѣйственное бываетъ тогда, когда совершается безъ всякаго другаго сторонняго великолѣпія, кромѣ внутренней совершеннѣйшей готовности сердца. Тогда простота и даже убожество алтаря только болѣе соответвуютъ смиренному, уничиженному состоянію Божественной жертвы, отъ которой одной и происходятъ все благодатныя восхищенія души, ея приобщающейся.

Въ томъ-то именно и заключается для души вѣрующей прямое удостовѣреніе въ дѣйствительномъ присутствіи Христа Спасителя въ жертвѣ евхаристической, что присутствіе это оказывается для нея тѣмъ ощутительнѣе и живѣе, чѣмъ меньше принимаютъ участія въ семъ дѣлѣ чувства и воображеніе. Въ ней внезапно открылась жизнь

всѣцѣло внутренняя, какъ бы иное сердце заби-
лось въ ея сердце, какъ бы иная совѣсть пробу-
дилась въ ея совѣсти. Внутренній, священній го-
лосъ, исходящій изъ чувства праведнаго, прио-
брѣлъ какую-то особую нѣжность и звучность, сви-
дѣтельствующія о непосредственномъ присутствіи
его Виновника. Это уже не инстинктивное отвле-
ченіе, но дѣйствительность ясная и опредѣленная,
лично говорящая и отвѣчающая, это глубокое
взаимное изліяніе любви какъ бы друга съ дру-
гомъ или жениха съ невѣстою. Душа сознаетъ,
что она уже не одна, что ее посѣтилъ любвеобиль-
ный гость; — ея Господь Спаситель.

Оживленная такимъ образомъ и вступившая въ
связь съ міромъ внутреннимъ и сверхъестествен-
нымъ, душа возвращается занять свое мѣсто въ
мірѣ земномъ. Но какая переменна! Эту зем-
ную жизнь она оставляла, какъ тягостную и горь-
кую, теперь находитъ ее легкою и пріятною. Она
даже улыбается ей, настолько она чувствуетъ въ
себѣ силы переносить все, что есть въ ней скорбнаго,
избѣгать всего, что есть въ ней соблазнительнаго
и убійтельнаго для жизни святой. Ея ничто не стра-
шитъ; она съ легкостью пробѣгаетъ тѣ пути обя-
занностей, на которыхъ недавно увязала на каж-
домъ шагу, и острое терніе которыхъ, повидимому,
обратилось для нея въ розы.

Все въ ней и вокругъ нея покоряется Боже-
ственному началу, ея одушевляющему, и которымъ
сама она непрестанно питается. Начало это имѣ-
етъ двойное свойство — внутренними сладостными
влеченіями отрѣшать ее отъ міра сего, даже до
презрѣнія его, а любовію къ Богу и ближнимъ
соединять ее съ тѣмъ же міромъ до самопожерт-

вованія, постирающагося даже до смерти. Это начало, такимъ образомъ, заразы и вдвойнѣ удовлетворяетъ и той и другой жизни, и жизни внутренней, таинственной, и жизни виѣшней—практической, правильное и разумное согласіе которыхъ образуетъ человека совершеннаго. Поередствомъ любви, соединяющей ее съ миромъ, это начало дѣлаетъ ее орудіемъ посвященнымъ царству порядка, изъ него же истекающему—служительницею своихъ благодатныхъ даровъ, ангеломъ—вѣстникомъ и свидѣтелемъ его истинности.

Такимъ-то образомъ въ Христіанствѣ Евхаристія оживотворяетъ сердце человѣческое любовью, такъ же какъ ученіе ея оживотворяетъ разумъ нашъ своею истиною. Обстоятельство, поистинѣ, очень важное. Оно ясно раскрываетъ тотъ Божественный планъ, который мы вездѣ усматриваемъ въ этой Религіи. Человѣкъ, какъ существо нравственное, одаренъ разумомъ и сердцемъ; и для своей жизни имѣетъ нужду въ свойственныхъ его духу пицѣ и свѣтѣ. Познаніе истины—это его свѣтъ, любовь—его пища: познаніе и любовь—это два полюса, между которыми вращается вся его жизнь и вся участь. И Религія Христіанская только одна заботливо хранитъ средства, ведущія къ этимъ двумъ цѣлямъ. Предлагая всѣмъ и каждому, свое неизмѣнно-истинное ученіе, она даетъ вѣрное направление смыслу человѣческому и надежно поставляетъ его въ состояніе твердой увѣренности въ истинѣ; а преподавая приступающимъ съ должнымъ приготовленіемъ таинство Евхаристіи, она привлекаетъ и поднимаетъ сердце человѣческое любовью къ этой самой истинѣ. Своимъ ученіемъ она служитъ для людей какъ бы свѣтоноснымъ столбомъ облач-

нымъ, руководившимъ Израиля въ пустынь; а въ таинствѣ Евхаристіи она подаетъ какъ бы манну небесную, которая служила пищею народу Божию въ той же пустынь. Это какъ бы двѣ скрижали, поставленныя съ той и другой стороны: одна есть скрижаль священнаго жертвенника, гдѣ предлагается хлѣбъ жизни, дающій ощущать истинность самой вѣры; съ одной стороны она просвѣщаетъ и наставляетъ насъ, съ другой—согрѣваетъ, ободряетъ и удостовѣряетъ; а въ совокупности съ той и другой стороны она насъ плѣняетъ, возвышаетъ, обожаетъ. Одинъ и тотъ же Богъ приближается къ нашему духу и входитъ въ общеніе съ нами какъ въ ученіи своей Церкви, такъ и въ трапезѣ своей Божественной любви. Вѣчное Слово Упоетасное существенно присуще и обитаетъ среди насъ, какъ въ ученіи своемъ, такъ и въ своей таинственной жертвѣ, къ той и другой съ одинаковою силою относится Его непреложное слово: Я съ вами во все дни, до кончины вѣка.

5. Въ заключеніе представимъ еще одно болѣе общее и болѣе ясное соображеніе.

Человѣкъ носитъ въ себѣ инстинктъ, глубоко насажденный въ его природѣ и повсюду одинаково открывающійся въ своихъ дѣйствіяхъ,—тотъ инстинктъ, по которому онъ считаетъ себя порожденіемъ Божиимъ, предназначеннымъ къ сожитію съ Богомъ, связываетъ свое существованіе съ существованіемъ самаго Бога, Его жизни желалъ бы уподобить свою и съ Его жизнію соединить свою.

Такое притязаніе, хотя въ разныхъ формахъ, но безъ исключенія высказываютъ открыто все, и поэты и философы, и народы грубые, древніе и новѣйшіе. Это фактъ, какъ выражаются въ наше

время, общечеловѣческой.

Идолопоклонство, столь долго господствовавшее на землѣ (и съ какимъ ей тожествомъ!), не представляетъ ли самаго широкаго выраженія этого притязанія? Инстинктомъ, о которомъ мы говоримъ, человекъ увлекается такъ далеко, что дерзнулъ съ всеми своими жалкими и позорными слабостями посадить себя на престоль самаго Бога. Явленія эти доходили до того, что сдѣлаться богомъ и быть окружену божескими почестями стало дѣломъ обыкновеннымъ; и кто изъ властителей міра не желалъ смерти, чтобы скорѣе совершилось это надъ нимъ? Боготворенія (apotheoses) сдѣлались общими мѣстами у ораторовъ и поэтовъ; но такими общими мѣстами, которыя принимались серьезно и переходили въ жизнь въ невѣроятныхъ, однакоже неподлежащихъ сомнѣнію, дѣлахъ языческаго суевѣрія. Вся земля наполнилась статуями боговъ и полубоговъ, стоящими на ряду со статуями героевъ и великихъ людей, стоявшихъ на пути къ тѣмъ же почестямъ и достоинству божескому, *однимъ словомъ, все стало богомъ кромѣ самаго Бога.*

Если бы вы, съ негодованіемъ отвращаясь отъ этой толпы, вздумали искать защиты противъ этого всеобщаго боготворенія въ древней философіи, то и философія, рѣшительно осуждая заблужденія инстинкта, послужившаго ихъ источникомъ, въ свою очередь, только яснѣе и опредѣлительнѣе выразила тоже начало, и ея голосъ, самый чистый, спокойный и возвышенный, скажетъ вамъ: «между Богомъ и человекомъ есть первоначальный союзъ и общеніе; существуетъ сходство и подобіе между человекомъ и Богомъ; что и даетъ намъ право на-

зывать себя по справедливости семействомъ, родомъ и поколѣніемъ существъ небесныхъ.» (*)

Во времена позднѣйшія и особенно въ наши дни, крайностію этого притязанія отличается все, что существуетъ внѣ Христіанства. Прежде всего идолопоклонство, какъ дикое сорное растеніе, не переставало расти во всѣхъ частяхъ земли, оставшихся не вспаханными трудами евангельскихъ дѣлателей; да и въ нашихъ обществахъ образованныхъ пантеизмъ, то есть, самое дерзкое смѣшеніе Божескаго съ человѣческимъ, рѣшительное превращеніе Божества въ человѣчество,—составляетъ общее основаніе всѣхъ произведеній ума человѣческаго. Эта язва, которая разъѣдаетъ и сокращаетъ силы души человѣческой, распространяется, подобно идолопоклонству въ послѣднее время древняго язычества, и угрожаетъ подавить въ конецъ основныя начала справедливости и правдивости, составляющія жизненныя условія человѣческихъ обществъ.

Такимъ образомъ очевидно, человѣчество, вопреки жалкой участи своей, всегда и вездѣ преслѣдовало исполненіе того обѣщанія, которое увлекло первоначально его родоначальника: *будьте яко боги*, и передавало изъ устъ въ уста тотъ роковой, столь пріятный для гордости человѣческой, плодъ, посредствомъ котораго думало достигнуть осуществленія этого обѣщанія.

Было дано человѣку и другое обѣщаніе, быти

(*) "Est prima hominis cum Deo societas; est igitur hominis cum Deo similitudo, ex quo vere agnatio cum coelestibus, vel genus, vel stirps appellari potest. Ex quo efficitur illud; ut is ignoscat Deum, qui unde ortus sit quasi recordetur ac noscat. (Cicero, de Legib. lib. 1).

назначены для него и другіе плоды, какъ говорить намъ откровеніе о первоначальной судьбѣ нашей; это плоды древа жизни, подѣ условіемъ вкушенія которыхъ человѣку обѣщана была надежда *жить вѣчно* (Быт. 3. 32).

Пагубное обольщеніе, склонившее человѣка вкусить отъ плодовъ познанія добра и зла, имѣло свою силу и успѣхъ только потому, что соответствовало прирожденному человѣку стремленію и заключало въ себѣ нѣкотораго рода примѣненіе къ его прямому назначенію. Поддавшись такому обольщенію, человѣкъ долженъ былъ навсегда уклониться отъ своего прямого назначенія. Но для него приготовлено было средство отыскивать и достигать того же назначенія; и послѣдствіемъ его паденія было только то, что обладаніе предназначеннымъ ему совершенствомъ замедлено было и ему достигать своего назначенія опредѣлено не иначе, какъ путемъ очистительныхъ испытаній, имѣвшихъ цѣлю заглаженіе его злоупотребленія свободой.

Итакъ человѣку всегда предлагалось тоже обѣщаніе, указывалась та же цѣль сдѣлаться подобнымъ Богу; въ какую бы сторону онъ ни склонялся своимъ свободнымъ выборомъ, онъ дѣлалъ только то, что инстинктивно повиновался своему назначенію. Такимъ образомъ, даже самое преступное его уклоненіе отъ закона Божія доказываетъ истину его назначенія, и доказываетъ тѣмъ яснѣе, что онъ въ самомъ уклоненіи не переставалъ преслѣдовать тоже назначеніе, хотя симъ путемъ, добровольно имъ избраннымъ, онъ болѣе и болѣе удалялся отъ него.

Этотъ путь, по которому блуждалъ и блуждаетъ родъ человѣческій, состоитъ въ томъ, что

человѣку хочется самому собою сдѣлаться Богомъ, представить изъ Себя соперника Богу, похитителя Его свойствъ, превратить свою собственную природу въ Его природу, или Его природу ввести въ свою. Движущее начало такой жизни есть самая необузданная гордость, ея смыслъ и значеніе—атеизмъ, ея выраженіе—идолослуженіе и пантеизмъ, а неизбѣжныя послѣдствія ея—порабощеніе человѣка грубымъ животнымъ страстямъ своимъ, обуздывать и одолавать которыя онъ самъ собою безсиленъ. Такимъ образомъ, желая поставить себя на мѣсто Бога, человѣкъ ниспадаетъ ниже самаго себя.

Открылось Христіанство. Принимая во вниманіе существующіе въ природѣ нашей небесныя инстинкты и стремленія къ богоподобію, оно прямо предъявляетъ, что можетъ удовлетворить имъ, но только путемъ рѣшительно противоположнымъ тому, какой избралъ и какому слѣдуетъ родъ человѣческій. И надобно согласиться, что безвыходно жалкое состояніе, къ которому дошелъ родъ человѣческій своимъ путемъ, много и сильно говорило уже само собою въ пользу мудрости и благонадежности этого противоположнаго пути.

Этотъ путь состоитъ въ признаніи безусловной высочайшей власти Бога Творца надъ человѣкомъ и въ удовлетвореніи за гордость, доведшую человѣка до неблагодарнаго непризнаванія и противленія этой власти, крайнимъ уничиженіемъ Божественной искупительной жертвы, въ которомъ бы природа человѣческая понесла весь заслуженный грѣхомъ страданія, а природа Божеская сообщила имъ отъ себя свою безконечную цѣну. Такое соединеніе двухъ природъ, для принесенія искупитель-

ной Жертвы, уже само собою составляет союзъ между Богомъ и человѣкомъ, въ чемъ и заключается потерянная грѣхомъ первоначальная цѣль нашего назначенія, которое чрезъ это поставляется для насъ еще на высшую степень славы. Чрезъ это соединеніе Богъ Слово сталъ какъ *одинъ изъ насъ*, потому и для того, чтобы, по своему благоизволенію, каждаго изъ насъ сдѣлать какъ *Онъ*, возвести насъ къ Богоподобному совершенству посредствомъ соединенія съ Нимъ. Но въ тоже время, чтобы спасти нашу немощную природу отъ одуряющаго чада гордыни, который не умедлилъ бы вскружить ея голову при такомъ безмѣрномъ возвышеніи, еслибъ оно было внезапно, а равно и для того, чтобы помочь ей освободиться отъ одоляющей ее безнадежности на самую себя,—Богу надлежало употребить въ ея пользу противодѣйствующее средство, и притомъ сообразное ея собственному положенію, средство, которое бы смиряло и уничтожало насъ тою покорностію, какую мы обязаны оказывать Ему съ той минуты, какъ только благоволилъ Онъ принять насъ въ единеніе съ Собою, и которое бы въ высшей степени возбуждало насъ къ дѣятельности, свойственной твари, вводя въ насъ въ тоже время жизнь Творца.

Въ этомъ заключается основаніе того глубочайшаго смиренія и уничтоженія, до котораго таинство Евхаристіи низводитъ нашъ разумъ и наше чувство. Это—цѣна, за которую Богъ опредѣлилъ отдать намъ Самаго Себя, это выкупъ за преступное покушеніе наше, независимо отъ Него, самимъ собою сдѣлаться подобными Ему; это противудѣйствующее средство противъ отпаденія отъ той высокой славы, въ которую Онъ вводитъ насъ; это

возмездіе за то самонадѣянное довѣріе къ самимъ себѣ и къ нашему мятежному разуму, которое погубило насъ. Разумъ первый и увлекался въ прародителяхъ нашихъ искушеніемъ; онъ первый повѣрилъ словамъ: *когда скусите отъ плода, будете какъ боги*, и, презрѣвъ заповѣль, возсталъ противъ Бога. Для уврачеванія этой грѣховной болѣзни, Господь Спаситель, въ свою очередь, искушаетъ насъ и говоритъ намъ: *ѣшьте Мою плоть, пейте Мою кровь, и вы будете, какъ боги, имѣть въ себѣ жизнь вѣчную*.

Такимъ-то образомъ, посредствомъ этого чуднаго уравновѣшенія противоположныхъ условій, Христіанство ведетъ насъ къ нашему первоначальному назначенію и чрезъ испытаніе нашей вѣры способствуетъ намъ достигать той высокой цѣли, за которой мы такъ неудачно гонялись въ ослѣпленіи нашей гордости. За эту именно гордость,— для уничтоженія въ природѣ нашей эя смертоноснаго яда и для предохраненія отъ нея на будущее,— намъ необходимо проходить эти испытанія вѣры, терпѣливо переносить это замедленіе въ осуществленіи ожидающей насъ славы. Поэтому-то намъ и не дано въ настоящей жизни видѣть Бога лицомъ къ лицу, поэтому же непроницаемымъ покровомъ тайны Онъ сокрывается отъ нашего сознанія въ самомъ внутреннѣйшемъ и тѣснѣйшемъ общеніи и единеніи съ нами въ Евхаристіи. Наступитъ время, когда испытаніе кончится, тогда снимется и этотъ покровъ. А дотолѣ, по прекрасному и справедливому уподобленію одного Отца церкви, мы подобно младенцу во чревѣ матернемъ питающемуся плодами, созрѣвшими на солнцѣ, свѣта котораго онъ еще и не видѣлъ,—питаемся жизнью

самаго Бога, прежде чѣмъ способны созерцать Его.

Но мы это чувствуемъ, видимъ въ тѣхъ нравственныхъ плодахъ, которые производитъ въ насъ это питаніе. Мы имѣемъ доказательство дѣйствительности этого Божественнаго питанія, самое непрерываемое, какое только можетъ быть представлено нашей слабости, въ опытахъ нашей силы. Сила, которую обрѣтаемъ въ приобщеніи Евхаристіи для торжества надъ самими собою, надъ собственными страстями и надъ міромъ; высокая святость, къ которой возводитъ насъ это приобщеніе; чудеса добродѣтели, которыя оно производитъ въ насъ, начинаютъ совершать еще здѣсь наше обоженіе и тѣмъ указываютъ источникъ, откуда все это въ насъ является, и подтверждаютъ непреложность словъ Господнихъ: *ядущій хлѣбъ сей живъ будетъ во вѣки.*

Вы требовали, чтобы я изъяснилъ вамъ тайну уничтоженія Бога Слова въ Евхаристіи; а я прошу васъ, изъясните мнѣ тайну превознесенія человѣка чрезъ приобщеніе сего таинства; или лучше, признайте вмѣстѣ со мною, что объ эти тайны подтверждаются одна другою и что хлѣбъ, возводящій насъ на небо, нисходитъ къ намъ съ неба.

Таково таинство Евхаристіи. Прежде сего мы занимались изслѣдованіемъ таинства Исповѣди. Непостижимо дивны и глубоко поучительны эти таинства, — каждое отдѣльно; не меньше они таковы и во взаимномъ ихъ отношеніи одного къ другому.

Дополнимъ недостатокъ нашего собственнаго изслѣдованія объ этихъ таинствахъ двумя выписками; одна изъ нихъ печальная, а другая отрадная; особенная поразительность каждой изъ нихъ зависитъ отъ жизни и характера ихъ писателей.

«Тайнства, говоритъ де Ламенне, достойны всего нашего благоговѣйнаго удивленія и сами по себѣ, какъ свидетельства безконечной благодати Бога къ своему созданію, и по той дивной связи, какою они объединены между собою, и представляютъ изъ себя одинъ источникъ благодати, какъ бы видоизмѣняющійся для освященія этого сознанія, рожденнаго во грѣхъ, возвышая его постепенно изъ бездны погибели къ Богу, къ которому оно само по себѣ никогда не имѣло бы права приближаться. *Если вы не будете пить плоти Сына человеческого, говоритъ Господь, и пить крови Его; то не будете имѣть въ себѣ жизни* (Іоан. 6, 53). И такъ необходимо пользоваться этою Божественною пищею, если желаемъ жить: но дерзко приступать къ ней съ преступною совѣстію, и принимать ее оскверненными устами не значитъ ли браться на смерть еще болѣе вѣрную, еще болѣе страшную? Господи, я желаю жить, но я знаю мои преступленія, и грѣхи мои непрестанно предъ очами моими; загладь всѣ беззаконія мои; сотвори мнѣ, Боже, чистое сердце (Псал. 50, 5. Пс. 12.), такъ вопіетъ смущенный грѣшникъ. И Богъ внемлетъ ему, Его благодать все это предвидѣла и предуготовала все, для того необходимое. Но чтобы получить отъ Него *сердце чистое*, о чемъ усердно такъ мы молимся Ему, Онъ требуетъ отъ тебя предварительно *сердца сокрушеннаго и смиреннаго* (Псал. 50, 19). Поспѣши же, грѣшникъ, поспѣши къ судилищу покаянія; тамъ ожидаетъ тебя человекъ, подобный тебѣ грѣшникъ, но ему отъ Бога ввѣрено служеніе разрышать тебя. У ногъ его принеси послѣднюю жертву за гордость человѣческую, первѣе всего въ признаніи твоего крайняго униже-

нія и жалкой бѣдности. Такимъ только образомъ начнетъ въ тебѣ созидаться новый человекъ; потому что какъ въ гордости заключается корень грѣха, такъ въ смиреніи рождается раскаяніе. Такимъ только образомъ ты принесешь Богу достаточное за грѣхъ удовлетвореніе, какое требуетъ Онъ отъ твоей слабости, и законъ справедливости обратится для тебя въ законъ милосердія. Устраните евхаристію, и человекъ ни въ чемъ никогда не найдетъ достаточныхъ побужденій подвергать себя всеѣмъ строгостямъ и униженію покаянія. Огмѣните покаяніе, и у человека всегдабудетъ основаніе считать себя недостойнымъ тѣла и крови Христовыхъ. А такимъ образомъ неизбежно послѣдуетъ то, что и сдѣлали еретики: отвергая одню изъ этихъ таинствъ, они измѣнили вѣру въ другое и дошли, наконецъ, до того, что отвергаютъ вѣру и въ то и другое. *Глубоко сердце человека, говоритъ писаніе, и одинъ Богъ проникаетъ его.* Прибавимъ съ Апостоломъ, что это дѣло Божіе, когда поражаютъ насъ чудеса Религій, въ которой все согласно направлено къ тому, чтобы изъяснить это непонятное и упрямое сердце и управлять имъ, и внѣ которой все для него одинъ только мракъ, заблужденіе и смятеніе.» (*)

Какою тяжестію падаютъ эти слова на самого автора, при настоящемъ его положеніи, и какое находятъ себѣ въ его примѣрѣ страшное подтвержденіе, несравненно краснорѣчивѣйшее, чѣмъ все его разсужденія! Хорошо ты говорилъ, славный, но и жалкій геній, и самъ сдѣлался жертвою

(*) De Lamennais *Reflection sur l'imitation de Jesus Christ*, 1. IV, с. VII.

твоихъ собственныхъ уроковъ: *глубоко сердце чело-
вѣка, и одинъ Богъ проникаетъ въ него.* Справедливо;
что одна Религія, которой ты слѣдовалъ тогда,
изъясняла тебѣ это сердце, непонятное и упрямое, и
управляла имъ, и тѣмъ ясно свидѣтельствовала, что
она сама есть дѣло Божіе; ибо съ тѣхъ поръ, какъ
ты свергъ съ себя ея иго, несмотря на превосход-
ство силъ твоей природы, для тебя не осталось ни-
чего больше, кромѣ *мрака, заблужденія и смятенія.*
Безъ сомнѣнія, эта великая истина была уже и
прежде оправдана паденіемъ столь многихъ твоихъ
предшественниковъ; и сердцу, встревоженному
твоею участію, ты позволишь приложить къ ней
слово, внушенное дружбѣ великимъ несчастіемъ
друга: исторія такъ много представляетъ самыхъ
поучительныхъ примѣровъ; ужели еще недостато-
чно ихъ безъ гибели Оронта? (*)

Обратимъ вниманіе на свидѣтельство болѣе
отрадное. — Сочинитель *Писемъ аттическихъ* (Lettres
d' Atticus) изъ которыхъ мы уже приводили нѣс-
колько мѣстъ, Фицъ Вильямъ, не смотря на свое
протестанское происхожденіе и воспитаніе, силою
своего замѣчательнаго таланта, понялъ истинный
смыслъ этого ученія католическаго. Определитель-
но онъ выразилъ свои мысли объ этомъ предметѣ
на страницахъ своихъ писемъ, незначительное чи-
сло которыхъ искупается особенною ясностію взгля-
да. Къ концу своего сочиненія, рѣшая вопросъ,
какая лучше система правленія, онъ выражается
о таинствахъ Покаянія и Евхаристіи такимъ обра-
зомъ:

«Безъ судилища покаянія невозможно, на

(*) La Fontaine, Elegie sur la disgrace de Fouquet.

какихъ бы то ни было прочныхъ основанiяхъ, утверждать царство истины и добродѣтели, справедливости и нравственности; потому что это судилище болѣе страшное, чѣмъ всякое другое, овладѣваетъ совѣстію человѣческой и управляетъ ею съ такою силою, какой не имѣетъ никакое другое. Но невозможно утвердить и самаго судилища покаянiя безъ вѣры въ дѣйствительное присутствіе Христа Спасителя въ Евхаристіи—этого главнаго основанiя вѣры христіанской. Безъ этой вѣры таинство причащенiя потеряло бы свое значеніе, лишилось бы подобающаго ему благоговѣнiя. Протестанты приступаютъ къ святой трапезѣ безъ страха и благоговѣнiя, потому что принимаютъ ее только какъ напоминательный знакъ тѣла Христова; напротивъ (христіане православные и) католики не могутъ приближаться къ ней безъ благоговѣйнаго трепета; потому что они принимаютъ здѣсь самое тѣло и кровь Христа Спасителя. Такимъ образомъ тамъ, гдѣ эта спасительная вѣра потрясена и разрушена, вмѣстѣ съ ея утратою перестало существовать и судилище покаянiя. Исповѣдь сдѣлалась тутъ бесполезною; напротивъ, гдѣ эта вѣра существуетъ, тамъ исповѣдь представляется необходимою. И это судилище, оказывающееся столь необходимо и неразрывно соединеннымъ съ вѣрою въ дѣйствительное присутствіе тѣла и крови Христовыхъ въ Евхаристіи, неизбѣжно утверждаетъ истину и добродѣтель, требуетъ подвиговъ правды и чистоты нравственной..... Слѣдственно, какъ я уже сказала: невозможно составить систему какого либо правленiя, которая бы могла быть прочно и истинно полезною, если она не будетъ опираться на истиннои

Религіи Христовой.»

«Итакъ вотъ рѣшеніе вопроса, важнѣйшаго послѣ вопроса о безсмертіи души, какой только могъ представляться людямъ, вопроса о томъ, какое лучше правленіе? Чѣмъ болѣе будутъ изучать его, тѣмъ болѣе будутъ усматривать, что вѣра въ дѣйствительное присутствіе Христа въ Евхаристіи простирается не только на всякое правительство, но и на все, что только составляетъ предметъ уваженія человѣческаго. Это какъ бы *камертономъ* всего, и въ отношеніи къ міру нравственному значить тоже, что солнце въ отношеніи къ міру физическому: это свѣтъ, просвѣщающій всякаго человѣка.»

Пусть бы наше бѣдное умирающее общество внимало этому призванію къ жизни, исходящему изъ устъ столь разсудительнаго и безпристрастнаго человѣка, и не покушалось, закрывая слухъ свой, подвергать себя страшнымъ испытаніямъ касательно сей великой истины.

Редакторъ: Протоіерей Іоаннъ Москвитинъ.

Съ дозволенія цензуры. 27-Августа 1868 года.

Тамбовъ. Въ Губернской Земской Типографіи.